

УБИЙСТВО СТОЛЫПИНА

ЗНАМЕНИТЫЕ СОБЫТИЯ
ИСТОРИИ УКРАИНЫ

Виктор Николаевич Воронин Дмитрий Владимирович Табачник Убийство Столыпина. 1911

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4465496*

*Убийство Столыпина: Фолио; Харьков;
ISBN 978-966-03-5057-1*

Аннотация

Исследование историков Дмитрия Табачника и Виктора Воронина посвящено одному из самых таинственных политических убийств XX века. Совершенный в Киеве 1 сентября 1911 года при крайне загадочных обстоятельствах террористический акт против премьер-министра России Петра Столыпина до сих пор вызывает споры о том, кто же в действительности стоял за ним – революционеры, охранное отделение или же это были действия убийцы-одиночки. На основе большого количества архивных документов и свидетельств очевидцев авторы детально реконструируют произошедшие события и тщательно анализируют все возможные версии. При этом они рисуют интереснейшие психологические портреты основных участников загадочных событий столетней давности – от террориста и агента охраны Богрова до шефа жандармов генерала Курлова. Книга читается как увлекательнейший

политический детектив и позволяет многое понять в том переломном для Российской империи времени.

Содержание

Кровавый лес политического терроризма	5
Подготовка к киевским торжествам	10
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Д.Табачник В.Воронин

Убийство Столыпина

...киевское событие свидетельствует лишь о вырождении террора и ни о чем более. Из всех крупных политических убийств, когда-либо совершенных в России, оно есть самое случайное, наименее «органическое».

П. Б. Струве «Преступление и жертва»

Кровавый лес политического терроризма

Одной из отличительных особенностей XX века стали политические убийства глав государств и правительств, монархов и кронпринцев, министров и других высших должностных лиц, правда о которых полностью не установлена или, во всяком случае, серьезные сомнения вызывают официальные версии. Конечно, «сильных мира сего» убивали на протяжении всей истории человечества. Однако лишь с начала XIX века феномен политического терроризма одиночек и жестко структурированных организаций (а не просто убийств в результате дворцовых переворотов и заговоров) стал значимым фактором общественной жизни. Это, в свою очередь, знаменовало собой и желание скрыто, через имевшиеся у

спецслужб возможности, воспользоваться противостоящими группировками во власти. Что может быть удобнее – записать убийство врага на счет террористической организации или фанатика-одиночки.

До сих пор остается много вопросов без ответов относительно убийств (и особенно роли в них спецслужб) наследника австрийского престола эрцгерцога Франца Фердинанда в 1914 году, короля Югославии Александра Карагеоргиевича и министра иностранных дел Франции Луи Барту в 1934-м, Президента США Джона Кеннеди в 1963-м, премьер-министра Швеции Улофа Пальме в 1986-м. Но хронологически мартиролог этих «странных покушений» открывает убийство председателя Совета министров и министра внутренних дел Российской империи Петра Аркадьевича Столыпина в 1911 году.

Нужно отметить и следующий аспект упомянутых террористических актов. Все они серьезно повлияли на становление текущей реальности. Даже не прибегая к методологии построения альтернативных моделей исторического развития, все же представляется достаточно очевидным, что устранение фигур настолько крупных и самостоятельных государственных деятелей не могло не иметь чрезвычайно значимых последствий для будущего.

В полной мере это справедливо и в отношении Столыпина. Сам факт наличия в России государственного деятеля подобного масштаба, выступавшего категорически против втя-

гивания страны (только начавшей выходить из кризиса после позорно проигранной войны с Японией и с огромным трудом подавленной революции) в военные авантюры, мог серьезно повлиять на развитие событий в судьбоносном для мира 1914 году.

Показательно мнение одного из ближайших соратников Столыпина профессора Георгия Рейна, возглавлявшего Медицинский совет МВД (фактически тогдашнее Министерство здравоохранения): *«Многие думают, и я в том числе, что если бы не было преступления 1 сентября, не было бы, вероятно, и мировой войны и не было бы революции с ее ужасными последствиями. Столыпину приписывают многократно повторенное им утверждение: «Только война может погубить Россию». Если с этим согласиться, то убийство Столыпина имело не только всероссийское, но и мировое значение».*

Нельзя сказать, что информации по перечисленным убийствам недостаточно. Наоборот, наличествует значительная документальная база, материалы официальных и независимых расследований, огромное количество исследований историков, криминалистов и журналистов. Это как будто позволяет получить точный ответ, что же все-таки произошло на самом деле. Но в действительности вышло наоборот – почти полностью стерлась граница между подлинной информацией, исторической мифологией и целенаправленно созданной дезинформацией.

О подобном методе сокрытия истины с помощью создания многочисленных исторических мифов и внедрения в общественное сознание ложной информации очень точно написал тонкий и проницательный английский писатель Гилберт Честертон в рассказе «Сломанная шпага»: *«Где умный человек прячет лист? В лесу... Если нет леса, он его сажает. И если ему надо спрятать мертвый лист, он сажает мертвый лес».*

Поэтому бесчисленные тома, посвященные наиболее таинственным убийствам минувшего века, являются или, во всяком случае, зачастую представляются подобным искусственно насаженным лесом, в котором уже практически невозможно найти тщательно спрятанную истину.

Не надо себя обманывать: вполне возможно, что она так и не будет найдена – в истории более чем достаточно примеров, когда ее загадки навсегда остаются неразгаданными. Однако это вовсе не значит, что надо прекратить поиск. Достаточно и противоположных примеров, когда ответ на ранее, казалось, неразрешимые загадки был найден. Например, в итоге многолетних скрупулезных исследований была разгадана вековая легенда о сибирском старце Федоре Кузьмиче, под именем которого якобы скрывался ушедший от мира император Александр I. Простая графологическая экспертиза написанной им короткой записки позволила опровергнуть легенду, в которую верило даже большинство членов императорской фамилии Романовых.

Конечно, подобная — достаточно простая — отгадка не слишком характерна для раскрытия загадок истории, но, тем не менее, она доказывает: «никогда не говори никогда». Надежда на раскрытие истины сохраняется всегда, и если тщательно осматривать лес, то искомый лист в конце концов может быть найден. Особенно когда есть желание это сделать, а не довольствоваться недомолвками и мифами.

Подготовка к киевским торжествам

В августе – начале сентября 1911 года в Киеве должны были пройти торжественные мероприятия, посвященные 50-летию введения земских учреждений в западных губерниях, и приуроченное к полувековой годовщине освобождения крестьян открытие памятника царю-освободителю Александру II. Если учитывать, что все торжества были запланированы с высочайшим присутствием, то меры охраны для них были предприняты экстраординарные.

Конечно, террористическую опасность для царя и отдаленно нельзя было сравнить с той, что существовала еще три года назад. После разгрома революции террористическая активность в стране значительно снизилась, а окончательный удар левому террору нанесло дело Евно Азефа. Весь мир был поражен фактом, что руководитель Боевой организации партии социалистов-революционеров (БО ПСР) оказался давним секретным сотрудником Департамента полиции под агентурным псевдонимом «Раскин». Причем, его ценность была настолько велика, что выступавший в Государственной думе Столыпин назвал агента «сотрудником правительства».

Результат этого грандиозного скандала до сих пор обыч-

но толкуется неверно. Хотя Департамент полиции и потерял своего лучшего агента, имевшего полный объем информации о террористических планах БО ПСР (а частично и других террористических организаций), но это с лихвой было компенсировано абсолютной деморализацией ПСР, от которой она так и не смогла оправиться до самой Февральской революции. Оказалось все, что делалось в эсеровском руководстве, все его самые тайные планы были прекрасно известны Департаменту полиции, игравшему с революционерами подобно кошке с мышкой. Это породило настоящую истерию взаимной подозрительности на всех уровнях партии, когда каждый видел в находящемся рядом товарище агента охраны. В общем-то, эсеры не так уж сильно ошибались. Революционные партии были наполнены агентурой Департамента полиции, и для него действительно секретов почти не было.

Не менее важный аспект – дело Азефа продемонстрировало всю степень морального разложения революционеров, неприглядную изнанку ПСР с вождями-эмигрантами и обреченными на заклание рядовыми боевиками. Это в значительной мере разрушило десятилетиями складывавшийся образ террористов как «рыцарей без страха и упрека» и «борцов за счастье народа», стало причиной массового разочарования левой интеллигентской массы, особенно молодежи, в революции и терроре.

Понятно, что в таких условиях и речи не могло быть

о сколько-нибудь целенаправленном продолжении террористической деятельности. Деморализация и разложение ПСР зашли настолько далеко, что эсеры не смогли устранить даже свой позор в лице Азефа, хотя «Раскин», не особо скрываясь, вел в Европе светский образ жизни, отдыхал на дорогах курортах и посещал роскошные казино.

Разумеется, это вовсе не значило, что опасность террористических актов против царя и высших должностных лиц империи (по эсеровской терминологии – «центрального террора») исчезла полностью. Всегда существовала возможность не только действий одиночки, но и неожиданного теракта со стороны какой-либо небольшой, образовавшейся на короткое время группки левых террористов. Именно по такой схеме в 1906 году было организовано покушение на Столыпина на его даче на Аптекарском острове, во время которого погибло 27 человек и 33 было тяжело ранено. Покушение осуществил только появившийся «Союз социалистов-революционеров максималистов», отличавшийся от БО ПСР ускоренной подготовкой терактов с минимальным количеством участников.

Здесь следует уточнить одну важную для понимания дальнейших событий деталь.

Меры охраны в Киеве предназначались в основном для безопасности царя, и именно с этой целью были назначены ответственные лица. За безопасность премьера и других высших должностных лиц они формально тоже отвечали, но

это не было их главной задачей.

Что же касается охраны Столыпина, то она находилась полностью в его руках. Меры по охране председателя Совета министров и министра внутренних дел во время его пребывания в Петербурге были детально расписаны специальной инструкцией – «Общие положения об охране высокопоставленных лиц» от 10 марта 1910 года. Чтобы понять, насколько детально она регулировала все вопросы безопасности, приведем небольшую часть данного документа:

«Охрана г. председателя Совета министров... возлагается на начальника охранной команды С.-Петербургского охранного отделения, назначаемого по выбору начальника сего отделения и действующего под непосредственным его наблюдением и ответственностью.

2. Деятельность чинов охраны и техническая часть последней определяются подробной инструкцией, предусматривающей по возможности все обязанности этих чинов по роду занимаемых ими постоянных постов в местах проживания охраняемых лиц и во время передвижения и переездов сих последних...

6. Разносчики, газетчики, извозчики, посыльные, лавочники и т. п., находящиеся в районе охраны и в местности, удобной для наблюдения за квартирой охраняемого лица, г. министра, по обеим сторонам реки Фонтанки от цирка до Летнего сада, по Пантелеймоновской улице до дома № 15, по Фонтанке от угла Пантелеймоновской улицы до Си-

меоновского моста и по всему Соляному переулку, должны постоянно проверяться чинами полиции и находиться под неослабным наблюдением чинов охраны. Проверки эти и наблюдение должны быть настолько интенсивны, чтобы в охраняемом районе не было ни одного лица, вынужденного по роду своих занятий находиться на улице, неизвестного охране настолько, чтобы последняя была уверена в полной безопасности его нахождения при проездах охраняемых лиц.

7. Заведующий охраной, его помощники и г. офицеры, состоящие при министре, обязаны фактически несколько раз в день и ночью проверять бдительность постов охраны и полиции и исполнение ими своих обязанностей и все замеченное и преподанное ими заносить в особую книгу с указанием, кем именно проверялись посты и в какое время...

11. Начальник охранной команды, его помощники и старшие агенты не ограничивают проверку службы охраны беглым обходом постов; они обязуются проводить на улице вместе с постовыми агентами по несколько часов ежедневно, дабы научить их обязанностям службы путем практических указаний. Начальник охранной команды обязуется время от времени командировать для фактической проверки службы неизвестных агентам лиц, которые вели бы себя вблизи постов, как предполагаемые злоумышленники (проходили по несколько раз, останавливались, несли подозрительную ношу, навели бы справки, приезжали под видом офицеров, высокопоставленных лиц и т. п.)...

13. О времени выезда г. председателя Совета министров решительно никто знать не должен. Карета и автомобиль не должны подаваться, как это принято теперь, за 5 минут до отъезда, а одновременно. Необходимо иногда ставить автомобиль у подъезда без надобности в поездке г. министра или выезжать в город пустому автомобилю.

Автомобиль не должен постоянно стоять у парадного подъезда г. министра, а может иногда ожидать у подъезда Департамента полиции, номера на автомобилях меняются возможно чаще; шофер также обязан разнообразить одежду и головные уборы...

15. На обязанность начальника С.-Петербургского охранного отделения возлагается организация строгого учета и регистрации всех лиц, как проживающих во дворе дома № 16 по Фонтанке, в доме № 9 по Пантелеймоновской улице, так и всех домов района охраны, непосредственно к ним примыкающих и соседних с последними, а также в районах других охраняемых пунктов...

16. Начальник охранного отделения обязуется распорядиться, чтобы все лица, проживающие в подвальных этажах дома № 16 по Фонтанке и № 9 по Пантелеймоновской ул., немедленно же представляли сведения о лицах, их посещающих, с указанием адресов...

18. Во всех по возможности домах района охраны надлежит завести «своих» дворников, которые давали бы сведения о жильцах и обо всем подозрительном в их жизни».

Подобные меры усиленной внешней охраны, сочетаемые с агентурной работой внутри революционных организаций, если и не делали полностью невозможным, то чрезвычайно затрудняли проведение покушения в столице. Однако при выезде премьера в провинцию меры охраны были значительно слабее, что объяснялось исключительно собственной волей премьера. Столыпин мог брать с собой охрану из числа сотрудников столичного охранного отделения, но никогда этого не делал. Его сопровождала только группа охраны из жандармских офицеров – подполковник Пиранг, ротмистры Десбах и Нагроцкий и штабс-капитан Есаулов. Это были лично доверенные люди министра, но они не были профессиональными охранниками и, в основном, выполняли адъютантские обязанности. Причем, как правило, Столыпин брал в поездку группу не в полном составе. Аналогично повел себя премьер и при поездке в Киев – он взял с собой одного ротмистра Нагроцкого, только недавно вошедшего в состав охранной группы. Таким образом, премьер собственными руками фактически лишил себя сколько-нибудь надежной защиты, что до крайности облегчило задачу будущего убийцы.

Конечно, губернаторы, жандармские управления и охранные отделения делали все возможное для обеспечения безопасности премьера, но, во-первых, квалификация местных охранников была ниже, чем у столичных коллег, а, во-вторых, Столыпин сознательно старался избегать усиленной

охраны вокруг себя, хотя в отношении него за время руководства правительством было совершено, по разным данным, от 10 до 18 покушений.

И дело тут не только в безусловной личной храбрости Столыпина, вызывавшей нескрываемое уважение даже у революционеров. Достаточно вспомнить только два случая. Будучи саратовским губернатором, в разгар антиправительственных беспорядков Столыпин вышел один навстречу готовой крушить всё вокруг демонстрации. Во главе ее шел мужик огромного роста с суковатой дубиной в руках. Поняв, что именно он является наиболее опасным, Столыпин со словами: «Подержи-ка, братец, неудобно в ней», сбросил ему на руки шинель. И только что кричавший об убийствах, ражий детина почтительно взял шинель и понес ее за губернатором.

Этот случай стал широко известен, как и поведение Столыпина во время взрыва на Аптекарском острове. Несмотря на то что сам он чудом избежал смерти, его дочь и сын были ранены, а вокруг разбросало трупы погибших и куски разорванных тел, премьер оставался на месте и помогал спасать раненых.

Пренебрежение необходимыми мерами охраны объяснялось и полуфаталистическим настроением Петра Аркадьевича, считавшего, что «все в руках Божьих» и мало верившего в земную защиту от убийцы.

Как ни удивительно это звучит, но министр внутренних

дел был убежден, что для него большая опасность исходит изнутри, чем извне. Или, другими словами, он считал, что опасны не деморализованные революционеры, а враги во власти, которым был ненавистен волевой глава правительства и его политический курс. Премьеру было прекрасно известно, что многие высшие сановники чрезвычайно опасаются усиления его власти и постоянно муssiруют тему о неких «диктаторских устремлениях» и намерении «оттеснить самодержца на задний план». И если левые ненавидели Столыпина за подавленную самими жесткими мерами революцию, то многие крайне правые считали опасной его аграрную реформу, ликвидировавшую крестьянскую общину, которая давно стала главным тормозом развития страны.

Столыпин неоднократно говорил поддерживавшему его политический курс депутату Государственной думы Василию Шульгину: *«Вы увидите, меня как-нибудь убьют, и убьет чин охраны»*. Учитывая последующие события, это звучит как мистическое предвидение.

Интересно свидетельство министра иностранных дел в 1906–1910 гг. Александра Извольского, имевшего возможность близко общаться с главой правительства: *«Любопытно отметить, что, встречая опасность с удивительным мужеством и даже временами бравируя ею, он всегда имел предчувствие, что умрет насильственной смертью»*. Он мне говорил об этом несколько раз с поразительным спокойствием».

Однако, возможно, дело не столько в предвидении, сколько в трезвом понимании ситуации. Министр осознавал, что почти не контролирует сложнейший аппарат политической полиции с его управляемой агентурой в террористических организациях. Практикой же как того времени, так и всей позднейшей истории, было использование спецслужбами (или отдельными группировками влияния в них) террористических организаций для устранения соперников во власти.

Столыпину была ясна подобная практика из совсем недавнего прошлого. Трудно сказать, что он думал по поводу убийств БО ПСР своего предшественника на посту министра Вячеслава фон Плеве и московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича. Однако премьер не мог не думать, как осуществление этих террористических актов стало возможно при наличии «Раскина» и не стали ли они результатом использования «втемную» БО кем-то весьма влиятельным для достижения собственных целей.

О мистике заставляет задуматься и завещание Столыпина, в первых строках которого было написано: «Я хочу быть погребенным там, где меня убьют». Глава правительства предчувствовал не только свою насильственную смерть, но и то, что она произойдет не в столице.

Думается, можно смело предположить, что подобное настроение обреченности сыграло весомую роль в дальнейших трагических событиях.

Однако если охрана премьера находилась в его собственных руках, то для обеспечения безопасного пребывания царской семьи в Киеве были задействованы огромные силы полицейского аппарата.

Нельзя не обратить внимания на одно обстоятельство в организации системы охраны. Как правило, за организацию охранных мероприятий при приезде царя отвечали местные губернаторы.

Хотя бывали прецеденты, когда систему охраны перепоручали представителю МВД, но это касалось только небольших губерний, где не было достаточных собственных полицейских сил, что никак не могло относиться к Киевскому, Подольскому и Волынскому генерал-губернатору, обладавшему огромными полномочиями и возможностями.

Поэтому никто не сомневался, что полномочия по организации охраны будут предоставлены генерал-губернатору Федору Трепову. Однако царь принял беспрецедентное решение – в вопросах организации охраны подчинить генерал-губернатора товарищу министра внутренних дел и командиру Отдельного корпуса жандармов (ОКЖ) генерал-лейтенанту Павлу Курлову. Решение было принято царем без ведома министра внутренних дел, который был просто поставлен перед фактом, что не мог не воспринять как личное оскорбление. Но если Столыпин не захотел устраивать демарш по этому поводу, то Трепов не был настолько сдержанным – он демонстративно подал в отставку, и премьеру при-

шлось, во избежание громкого скандала перед началом киевских торжеств, его успокаивать. В письме генерал-губернатору он неубедительно пытался оправдать высочайшее решение, ошибочность которого для него самого была очевидна. По его словам, назначение Курлова ответственным за охрану в Киеве «вызвано исключительно объединением мер по охране драгоценной жизни Государя Императора, ввиду командирования с этой целью как чинов различных ведомств, так и чинов полиции из других городов».

Впрочем, в письме к Курлову Столыпин весьма прозрачно намекнул, что думает по поводу царского решения, явно пролоббированного шефом жандармов: «Киевский генерал-губернатор сообщил мне, что считает оскорбительным для себя то, что высший надзор и наблюдение за охраной государя отняты у него и переданы Вам. В этом он усматривает признание его негодным для того поста, который он занимает».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.